

Любовь и перенос: от Фрейда к Лакану

Н. И. Казакова

Казакова Надежда Игоревна – психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Данная статья посвящена рассмотрению любви и частного его проявления в виде переноса, возникающего в числе эффектов психоаналитического лечения, который был открыт З. Фрейдом и в дальнейшем дополнен в теоретическом и практическом корпусе семинаров Ж. Лакана.

Понятия любви, влюбленности и переноса тесно переплетены с регистрами символического и воображаемого, различение которых имеет клиническую ценность и которые находят свое отражение в лакановском прочтении двух случаев З. Фрейда: юной гомосексуальной пациентки и Доры.

Если учиться на ошибках основателя психоанализа З. Фрейда, открывается перспектива выхода из терапевтической плоскости отражения воображаемых конструкций в аналитическую позицию по отношению к субъекту бессознательного.

Ключевые слова: субъект, Фрейд, любовь, перенос, влюбленность, агальма, Лакан, воображаемое, символическое, юная гомосексуальная пациентка, Дора.

Проблема осмысления феноменов любви и переноса в психоаналитической практике стоит с 1895 года, когда Фрейд вводит термин «перенос» в своих «Очерках об истерии», констатируя, что существует сопротивление лечению. В качестве главной помехи Фрейд как раз выделяет не «внутреннее» препятствие (Mahjoub, 2018), которое характеризует сопротивление, а «внешнее», определяемое как то, что возникает в том случае, когда отношения между врачом и его пациентом становятся проблематичными.

Для Фрейда ясно, что аналитическое лечение не создает перенос, оно лишь обнаруживает его существование, равно как и существование других скрытых психических феноменов, ведь в психоаналитическом лечении, в отличие от других видов терапии, «все тенденции, даже враждебные, должны быть пробуждены». Таким образом, «перенос, чья судьба, казалось бы, в том, чтобы стать для психоанализа огромной преградой, оказывается его самым влиятельным помощником» при условии, что перенос будет обнаружен и проинтерпретирован. Как можно увидеть, трактовка переноса в качестве позитивного или негативного фактора, и даже в качестве ненависти или любви, никуда не продвигает аналитическое лечение.

Спустя 20 лет, в работе «Заметки о любви в переносе» (1915), Фрейд объединил понятия переноса и понимание любви в реальной жизни, говоря, что всякое любовное переживание предстает новым изданием прежнего инфантильного опыта и является повторением невозможности повторения. Лакан вторит Фрейду, говоря, что искусственная любовь в кабинете и любовь непроизвольная, обусловленная случайностью, в психологической плоскости равноценны. Однако их различие строится на способах обхождения с этим любовным переживанием. В аналитической ситуации каналы для выражения заботы и взаимности от пациента к аналитику радикально сужаются. Любовь в переносе, таким образом, становится благодатной почвой для любви, которая предъявляет меньше требований к объектным отношениям, чем любовь в реальной жизни. Любовь пациента к аналитику описывается как искусственный феномен, вызванный сконструированной ситуацией и имеющий автоматический характер, однако это не указывает на то, что такая любовь более иллюзорна. Комментируя текст Фрейда «Заметки о любви в переносе» (1915), Лакан говорит: «Это не что иное, как способ фрейдовской постановки вопроса о любви настоящей и иллюзорной», и что «перенос как раз и интересен для нас, в частности, тем, что позволяет глубже, чем когда-либо, поставить вопрос о том, что же представляет собой подлинная любовь» (Лакан, 2004, с. 133). Лоренцо Кьеза в тексте «*Le ressort de l'amour: Лакан и Платон*» подмечает, что различие истинной и ложной любви так или иначе скрыто присутствует на протяжении всего творчества Лакана (Chiesa, 2006). В первых семинарах Лакан занимается различением воображаемого и символического регистров в сопряжении с любовным переживанием и чувственным опытом. Когда речь идет о воображаемой любви, здесь уместнее использовать термин влюбленность (*verliebtheit*), так как ее начало происходит из нарциссизма, или стадии зеркала, – держа в основе инстанцию идеального Я, которое проецируется на объекты внешнего мира (маленьких других), с целью восстановления своей нарциссической целостности. Йекельс и Берглер в своей статье «Любовь и перенос» говорят о такого рода инвестиции объектов как о «чуде», вводя понятие «фикция автаркии», которая соответствует периоду абсолютного всемогущества младенца, в течение которого он воспринимает грудь матери как часть его собственного тела. Так, субъект, находящийся под давлением компульсивного повторения травмы отнятия

от груди, прибегает к нарциссической инвестиции объектов, чтобы в конце концов вернуться в исходное положение монады (слияния), воплотив в реальной жизни фантазию о единстве (*Jekelsetal*, 1934). В любви есть идеал слияния: сделать двух одним. Фрейд высказывает эту мысль в 1914 году в тексте «К введению в нарциссизм»: мы делаем себя объектом своей любви с помощью другого, наделяя его теми качествами, которыми хотели бы обладать, делая его частью себя (Фрейд, 2006). Это любовь к единению. Такая форма любви подробно описана Платоном в «Пире», в мифе, изложенном Аристофаном, – о «половинках», ставшем особенно актуальным в современных реалиях, имея в основе идею об идеальной любви, воплощающей мираж полноты и отрицания различий, в условиях которого отношениям присущ характер «ненавлюбленности», где преобладающее чувство ненависти неразрывно соединено с влюбленностью.

Отсюда берет начало идея любви, которая родом из воображаемого порядка. В попытках провести различие между любовью истинной и иллюзорной отчетливо видно, что любовь не существует вне воображаемого регистра и нарциссизма, так как в ней всегда наличествуют тени и образы желания, принадлежащие инфантильному опыту субъекта, распознаваемые в другом, которые эротизировали его когда-то и в которых он был заинтересован. Аналитическая процедура также не обходится без воображаемой компоненты, которая может включать как любовную идеализацию, так и тенденции соперничества и уничтожения другого.

Подлинная любовь в описании Лакана находит свое отражение в мифе о рождении Эроса, который адресует к неизбывному в любви измерению нехватки. Эрот, рожденный от Богатства (Пороса) и Пении (Бедности) является собой демоническую природу, нечто среднее между богом и смертным, и располагает между знанием и невежеством, между прекрасным и безобразным. Он ни то ни другое. Эрот (Любовь) – это желание, обусловленное нехваткой. «Любить – это давать то, чего не имеешь, и тому, кому это не надо». Невписанность Эроса в рамку чего-то определенного и понятного, объект нехватки как причина желания имеют прямое отношение к символическому регистру. Любовь бессильна в том, чтобы помочь слиться воедино, и не причастна к логике подобия, типичности.

Символический порядок по Лакану сопоставляется с очеловечиванием субъекта, так как он имеет дело с языком, речью, законом. Именно в этом регистре возможны отношения любви с большим Другим, отличным от субъекта и непостижимым. Обнаружение «нехватки» присуще только символическому, и лишь через эту «нехватку» субъект меняется, интроецируя новые черты в свой Я-идеал.

Эпизодом, сопрягающим любовь и психоаналитический концепт переноса в «Пире», является, по интерпретации Лакана, ответ Сократа Алкивиаду. В развязке всего диалога Сократ выступает в роли протоаналитика, и это как раз тот момент, в котором можно обнаружить очертания желания аналитика и его работы в клинике под переносом.

Лакан вводит термин «агальма», слово, производное от старофранцузского *gal* – «блеск», и наделяет его функцией «чистого психоаналитического понятия», которое представляет из себя важный, но забытый

и скрытый момент, к которому у аналитика должен быть свой особый подход, позволяющий вывести эту проблематику на свет.

Лакан подчеркивает это в Семинаре VIII: «...одного лишь объективно-го допущения аналитической ситуации будет достаточно, чтобы маленькое а, агальма, делало в другом свое дело. Сам факт наличия переноса ставит нас в положение того, кто хранит внутри себя агальму, главный предмет, вокруг которого весь анализ субъекта строится, – предмет, соотнесенный, связанный с тем мерцанием субъекта, которое и формирует, согласно нашей теории, фундаментальный фантазм. Это единственное следствие переноса» (*Lacan*, 2001, p. 213).

Итак, в семинаре VIII Лакан подчеркивает значение агальмы в переносе. В любви присутствует асимметрия. Этот скрытый объект, играющий столь важную роль, является объектом, не обладающим определенным качеством. Именно поэтому любовь устремлена к бытию. В «Пире» Платона, к которому обращается Лакан для работы с понятием переноса, Алкивиад делает одно публичное признание; перед всеми разоблачается «самая шокирующая тайна, основной источник желания, который всегда в любви более или менее сокрыт» (*Ibid*, p. 301).

Агальма является частичным объектом и всегда акцентирует в объекте функцию фетиша. Объект этот – недостижимый и непостижимый, и оттого амбивалентный, так как он вызывает как восхищение, так и зависть, ревность. Алкивиада привлекает то, что внутри Сократа есть нечто ценное, агальма, объект, включенный в субъекта Сократа (*Miller*, 1991).

Но ничто не указывает на то, что было бы сущностью этого сокрытого объекта, он остается своего рода тайной Сократа и является «большим, чем он сам».

После откровений Алкивиада, его публичной исповеди, где признание в любви соседствует с обличением, Сократ отвечает ему: на самом деле ты любишь Агафона, а не меня, он полон, я пуст. «Я должен любить тебя, и никого больше, а Агафона – ты и больше никто» (Платон, 2017, с. 490).

Лакан называет интерпретацию Сократа психоаналитической интерпретацией. Сократ понимает, что он для Алкивиада является лишь оболочкой объекта желания и ничем иным. Сократ не отвечает Алкивиаду взаимностью на его признания, не позволяя метафоре любви произойти и показывая ему, куда на самом деле направлено его желание. Сократ не входит в игру любви, отказываясь быть любимым (*egomenos*), но это не мешает ему желать. Желание здесь – это всего-навсего его место, ибо оно сводится для Сократа к желанию речи – речи всегда одновременно явленной и являющей. Желание аналитика нельзя описать на языке двухполюсных отношений. Это не означает, что аналитик обязательно должен быть безупречен, что он должен быть Сократом или святым. Место аналитика – это место, которое по определению он должен предложить желанию пациента пустым, чтобы оно осуществилось в нем в качестве желания Другого (*Porcheret*, 2016).

Сократ как аналитик интерпретирует перенос, указывая анализанту на объект его привязанности за пределами кабинета, даже когда пациент, кажется, хочет найти объект своей привязанности в самом кабинете

(Fink, 2017). Эпизод сократовской интерпретации метафорически отображает конец анализа как обретение направления желания.

«Порывая с традицией, которая стремится абстрагировать, нейтрализовать и обесмыслить все, ради чего аналитические отношения по сути своей существуют, я собираюсь исходить из того радикального факта, что человек закрывается с другим человеком в комнате, чтобы тот кое-что понял. – Что именно? – Чего ему не хватает.

Ситуация покажется еще более сложной. Если мы вспомним, что в силу самой природы переноса о том, чего ему не хватает, он узнает в качестве любящего. Если я нахожусь с ним ради его блага, то не в безобидном смысле <...> Ведь благо на самом деле понятие куда более проблематичное <...> Я нахожусь с ним в конечном счете не ради его блага, а чтобы позволить ему любить» (Lacan, 2001, p. 21).

Для определения клинического применения изложенных концепций были проанализированы два случая З. Фрейда, представленные в IV семинаре Лакана «Объектные отношения» (1994), где, по мнению французского психоаналитика, основатель психоанализа не смог остаться в измерении аналитических отношений в символическом регистре и попал в ловушку воображаемой идентификации собственного Я с Я пациентки. Подобное соскальзывание в регистр воображаемых отношений неизбежно приводит к прерыванию анализа, что и произошло в случае юной гомосексуальной пациентки Фрейда (1920) и Доры (1905).

Рассмотрение случая юной гомосексуальной пациентки Фрейда через призму лакановской теории предстает как случай, в котором интерпретация Фрейда, принадлежащая регистру воображаемых отношений аналитика и анализантки, привела к преждевременному завершению анализа, в то время как регистр символического послания, действующий на уровне бессознательного желания, был упущен из вида.

Случай юной гомосексуальной пациентки. Зигмунд Фрейд, «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности», 1920

Девушку приводит к Фрейду ее отец, будучи чрезвычайно обеспокоенным ее увлечением дамой, которая старше дочери примерно на 10 лет, имевшей репутацию дамы «полусвета» и соответствующее положение в обществе.

Родители пациентки недоумевали от противоречащих друг другу линий ее поведения. С одной стороны, пациентка встречалась с дамой на самых людных улицах, где ее могло увидеть как можно большее количество людей в компании ее возлюбленной. С другой стороны, девушка прибегала к изощренному вранью, чтобы втайне устроить встречу с дамой. Здесь отчетливо видны две полярности: чрезмерная гласность и наивысшее лицемерие.

Решающим поворотом в истории пациентки является день, в который отец встречает прогуливавшихся его дочь и даму. Фрейд комментирует это «как то, чего не могло не произойти» (Фрейд, 2018). Отец, окинув их

взглядом, полным ярости, прошел мимо. После чего девушка предпринимает попытку самоубийства, которая в последующем создала для реализации ее желания более благодатную почву, а именно: родители стали более осторожными в разговорах с дочерью, и также дама стала относиться к ней с большей внимательностью. Более детальное рассмотрение мотивов попытки самоубийства девушки будет приведено дальше.

Важным здесь представляется рассмотрение фигур отца и матери и их отношения к происходящему. Отец был авторитетным и уважаемым человеком. Его отношение к дочери, с одной стороны, зависело от отношения жены (матери) к ней, но и отличалось строгостью. Когда он узнал о пристрастиях дочери, он всячески пытался оказать на нее влияние, которое доходило до угроз. Мать же была молодой женщиной, желающей внимания от окружающих. Гомосексуальные наклонности дочери не воспринимались ею настолько категорично и яростно, как это было в случае отца. Некоторое время она даже поддерживала эту связь, занимая роль посредницы. Помимо пациентки у нее еще было трое сыновей, к которым она относилась с исключительной нежностью, в отличие от дочери. Младшего сына она родила достаточно поздно, в начале анализа пациентки ее брату еще не было трех лет. Подробности о характере матери скрывались пациенткой по определенным мотивам, в отличие от рассказа об отце, наполненным откровенностью.

По словам Фрейда, пациентка испытывала очень тяжелые чувства из-за того, что ее ориентация – это удар для родителей, и считала, что ей непременно хочется избавиться от этого «недуга». Изначально Фрейд расценивал это благоприятствующим моментом, пока не вывел бессознательную либидинозную установку, находящуюся в тени и повлиявшую на ход анализа и его преждевременное окончание.

Установка закрепилась после того, как пациентка заметила явную неприязнь отца по отношению к ней. Он использовал телесные наказания дочери за ее гомосексуальные пристрастия, соответственно, девушка понимала, чем она может разозлить отца, а также чем ему отомстить.

Гомосексуальность пациентки рассматривается Фрейдом как знак протеста отцу, чье доверие она постоянно подрывала, откровенно лгав. Тем не менее чувства вины за свое вранье она абсолютно не испытывала. Чрезмерно открытое поведение пациентки в отношении дамы было умышленным, так как для девушки было абсолютно необходимым быть пойманной отцом, дабы воплотить свою месть, направленную в его сторону.

По мнению Фрейда, именно желание пациентки отомстить отцу было основополагающим в ее гомосексуальном увлечении.

В пубертатный период, ближе к тринадцати или четырнадцати годам, эта юная девушка дорожит одним объектом, ребенком (мальчиком), которого она нянчит и к которому привязалась. В глазах всех окружающих она выглядит вполне отвечающей их ожиданиям в смысле точного соответствия типичному призванию каждой женщины, а именно материнству.

В этих обстоятельствах происходит нечто, производящее в ней своего рода разворот, в результате которого она перенаправляет свой интерес

на объекты любви, отмеченные знаком женственности. Это женщины в ситуации материнства, которые недавно стали матерями.

В итоге она дойдет до буквально пожирающей степени страсти к даме. Девушка ухаживает за этой дамой в высоком рыцарском стиле, прямо как мужчина, страстно, но без требований, без желаний и ожидания взаимности, предлагая свое служение в дар, принимая любые формы проявления любимой. В этой истории находится одна из наиболее высокоразвитых форм любовных отношений.

Произошедшую трансформацию стоит рассматривать, отталкиваясь от фаллической фазы генитальной организации. Непосредственно перед началом латентного периода инфантильный субъект, как мальчик, так и девочка, подходит к фаллической фазе, которая отмечает пункт генитальной реализации, где уже все представлено в наличии, вплоть до выбора объекта (*Lacan, 1994*). Однако кое-чего недостает, а именно полноценного осуществления генитальной функции, по-настоящему структурированной и организованной. Действительно, есть только фантазматический, воображаемый по своей сути фаллический элемент, посредством которого существа этого мира делятся для субъектов на два типа – существ, которые обладают фаллосом, и тех, кто им не обладает, то есть кастрирован.

Предполагается само собой разумеющимся, всем известным и вписанным в бессознательные тенденции то, что субъект изначально, по своей природе обладает предзаданной установкой для налаживания половых взаимоотношений. Является необходимым, чтобы фаллическое преимущество стало поводом для обучения, в процессе которого субъект находит преимущества своего положения и вырабатывает способы защиты.

Лакан допускает, что фаллос в данном случае является воображаемым элементом – это следует принять в качестве факта, посредством которого субъект на генитальном уровне вводится в символическое измерение дара.

Символическое измерение дара и половое созревание (*maturation génitale*), представляя собой две разные вещи, тем не менее связаны с одним фактором, влияющим на реальную человеческую ситуацию, а именно с правилами осуществления генитальных функций, установленными законом, которые действительно включаются в игру в сфере межчеловеческого обмена (*Lacan, 1994*). Вот почему в происходящем на этом уровне существует настолько тесная взаимосвязь символического измерения дара и полового созревания. Но для субъекта это не имеет никакого внутреннего, биологического или индивидуального соответствия. Оказывается, что, напротив, фантазм фаллоса на генитальном уровне приобретает свое значение в рамках измерения символического дара. Фрейд настаивает на том, что по определенным причинам фаллос не имеет одинаковой ценности для того, кто им действительно обладает, то есть ребенка мужского пола, и для того, кто им не обладает, то есть для ребенка женского пола.

Именно по той причине, что девочка не обладает фаллосом, она включается в символическое измерение дара. В силу того что она придает большое значение ситуации обладания или необладания фаллосом, она входит в эдипов комплекс. Тогда как для мальчика, подчеркивает Фрейд,

это происходит не на входе, а на выходе из комплекса Эдипа. В завершении комплекса Эдипа, после того как он на определенном плане осознал символическое измерение дара, ему нужно будет подарить то, что у него есть. Девочка входит в комплекс Эдипа по причине того, что она не обладает (фаллосом), и для того, чтобы (его) в комплексе Эдипа найти.

«Необладание» располагается на том уровне, где воображаемый элемент входит в символическую диалектику. Ведь в диалектике символического то, чего у нас нет, существует точно так же, как и все остальное. Просто со знаком минус. Таким образом, она входит с этим минусом, тогда как мальчик с плюсом. Нужно только, чтобы было нечто такое, что можно было бы отметить плюсом или минусом, присутствием или отсутствием. То, что здесь вступает в игру, – это фаллос. В этом состоит вхождение девочки в эдипов комплекс по мнению Фрейда.

В пределах этого символического измерения дара любого рода вещи могут быть предложены в обмен, именно поэтому заметно такое большое разнообразие эквивалентов фаллоса в симптомах.

Девочка в своем первом включении в диалектику Эдипа придерживается, согласно Фрейду, того, что желаемый ею пенис – это ребенок, которого она ожидает получить от отца, как замену. Но в примере юной гомосексуальной пациентки речь идет о реальном ребенке. Девочка нянчится с настоящим ребенком.

С другой стороны, ребенок, которого она нянчит, для нее – воображаемый заменитель фаллоса, с помощью которого девушка, сама не зная того, формирует свою субъективность в качестве воображаемой матери. Если, ухаживая за ребенком, она получает удовлетворение, то происходит так потому, что таким образом она обретает воображаемый пенис, в перспективах обладания которым она уже глубоко разочаровалась, поэтому воображаемый пенис в этом случае с присвоенным знаком минус. Любой объект, введенный посредством фрустрации, будет всегда воспринят субъектом в двойственной позиции, которая является позицией принадлежности собственному телу и только в этом случае состоится в качестве объекта. Соответственно, пациентка обладает своим переходным объектом, воображаемым фаллосом, когда нянчит ребенка.

Желание пениса у девочки сменяется желанием ребенка, которого подарит отец, ребенка воображаемого или реального. В представленном случае довольно тревожно то, что он оказывается реальным, ребенок тем более реален, что отец в качестве породителя остается в бессознательном. Но случается так, что отец реально дает ребенка не своей дочери, а ее матери. Девочка удовлетворяется тем, что находит для ребенка, которого она бессознательно желала, реальную замену, и это обнаруживает у нее обострение потребности, придающее ситуации драматизм. Пациентка была специфическим образом фрустрирована тем фактом, что реальный ребенок от символического отца был подарен ее собственной матери.

По мнению Лакана, при рассуждении о неких инстинктивных всплесках, активизации психических тенденций или примитивных влечениях, в попытках представить нечто в плане перверсии стоит всегда придерживаться

трех принципиально важных элементов, при условии их различения, которыми являются воображаемое, символическое и реальное.

Данная ситуация, причины которой имеют глубоко структурный характер, пробудила зависть, и воображаемое удовлетворение, на которое полагалась девочка, оказывалось недоступным. Это произошло по причине вмешательства реального, отвечающего на эту бессознательную ситуацию, расположенную на уровне воображаемого. Некоторым образом вклиниваясь, отец переходит в план воображаемых отношений, он вступает в игру как отец воображаемый, уже не как отец символический. С этого момента устанавливаются новые воображаемые отношения, которые девочка будет по возможности поддерживать.

Эти отношения отмечены тем фактом, что они были предварительно и скрыто сформулированы на уровне большого Другого, начав формироваться воображаемым образом, характерным для перверсии, именно это, а не что-то другое приведет к перверсии. Девочка идентифицируется с отцом и принимает на себя его роль. Она сама становится воображаемым отцом. Также она сохраняет свой пенис и привязывается к объекту, который его не имеет, и ей необходимо дать то, что этот объект не имеет.

Эта необходимость сориентировать любовь не на объект, но на то, чего в объекте нет, размещается в сердцевине отношений любви и дара. Это нечто такое, чем объект не располагает и что вводит необходимость рассмотреть историю субъекта с третьей стороны.

Итак, мы имеем дело с юной девушкой в пубертатный период. Первое символическое и воображаемое структурное осмысление этой позиции осуществляется классическим образом, как это и прописано в теории. Равноценность воображаемого пениса и ребенка устанавливает субъекта в позицию воображаемой матери по отношению к тому, кто по другую сторону представлен отцом, который в этот момент вмешивается, реализуя символическую функцию, то есть к тому, кто может предоставить фаллос. В это время могущество отца бессознательно. Это момент после угасания эдипова комплекса, и отец, будучи тем, кто может дать ребенка, бессознателен.

Именно на этой стадии наступает роковой, если можно так выразиться, момент реального вмешательства отца, когда он дает ребенка матери, то есть делает ребенка с той, с кем субъект находится в воображаемых отношениях, только этот ребенок реальный. Нечто нашло свою реализацию и, стало быть, вышло из той воображаемой позиции, которую девушка ранее этому отвела. Вмешательство реального отца на уровне ребенка, в отношении которого она испытывала фрустрацию, производит преобразование этого уравнения, теперь оно составляется из следующих терминов: воображаемый отец, дама, символический пенис.

Посредством своего рода инверсии, отношения субъекта с отцом, расположенные до того в порядке символического, переходят в смысл воображаемых отношений. Или имеет место проекция бессознательной формулы первого уравнения в перверсивные – в кавычках – воображаемые отношения с дамой.

Роды, которые также имеют место в конце случая юной гомосексуальной пациентки перед тем, как она попадает в руки к Фрейду, находят свое выражение следующим образом: внезапно она бросается с небольшого моста на железную дорогу. Это случается в момент, когда реальный отец снова являет свое раздражение и ярость, а женщина, которая с ней, поддерживает это вмешательство отца и говорит, что больше не хочет ее видеть. Девушка в этот момент лишается своих последних опор. До этого она уже была достаточно фрустрирована потерей того, что должна была получить, а именно отцовский фаллос, но нашла способ поддержать желание в воображаемых отношениях с дамой, отказа которой она теперь совершенно не может вынести. Объект окончательно утрачен, и все, что она сделала, чтобы показать отцу, как можно любить, обернулось в ничто. В этот момент она совершает попытку самоубийства.

Как подчеркивает Фрейд, у этого есть и другой смысл, смысл окончательной потери объекта. Этот фаллос, в котором ей решительно отказано, является тем, что выпадает, *niederkommt*. Падение здесь имеет значение окончательного лишения (*privation*) и в то же время некоторым образом имитирует символические роды. Если акт этого броска с железнодорожного моста в критический и предельный момент ее отношений с дамой и отцом Фрейд интерпретирует как показательную попытку самой произвести на свет ребенка, которого она не получила, и в то же время уничтожить себя в последнем выразительном акте как объект, то основана эта интерпретация исключительно на существовании слова *niederkommt*.

Это слово указывает на последнее обстоятельство суицида, в котором находит свое выражение то, о чем идет речь в случае юной гомосексуальной пациентки. Единственным источником ее перверсии, в соответствии с тем, что Фрейд неоднократно утверждал относительно патогенеза определенного типа женской гомосексуальности, является устойчивая и особенно сильная любовь к отцу.

Сформулированная Фрейдом неудовлетворительная интерпретация сновидения, через которую он формализует (кристаллизует) для себя ситуацию между ним и пациенткой, в итоге приводит к разрыву аналитических отношений. Его интервенция, концепция и предубеждения по поводу позиции повлияли на разрыв.

Фрейд формулирует эту позицию как непреодолимые сопротивления пациентки. Он видит их особенно выразительные проявления в сновидениях, которые парадоксальным образом подают большие надежды на то, что ситуация нормализуется. Это сновидения о союзе, о воссоединении, о плодотворном браке. Пациентка в них вступает в идеальное супружество, в котором рождаются дети. Сновидение предъявляет желание, которое может удовлетворить если и не Фрейда, то как минимум общество, представляющее здесь интересы семьи, и тем самым послужить наилучшим исходом лечения.

Учитывая все то, что пациентка рассказывает о своем положении и своих намерениях, Фрейд далек от буквального понимания текста сновидения, но видит в нем, как он говорит, ухищрение, явно направленное на то, чтобы его в итоге огорчить, а точнее, очаровать и одновременно

разочаровать его. Как замечает Фрейд, это может вызвать следующее возражение: «Но в таком случае бессознательное способно лгать?» (Фрейд, 2018). Фрейд подробно останавливается на обсуждении этого пункта и старается ответить очень четко.

Фрейд обращается к пассажиру «Толкования сновидений», в котором отношение между желанием бессознательным и желанием предсознательным описано путем сопоставления капиталиста и предпринимателя. Предсознательное желание – это предприниматель сновидения, но сновидение не обладало бы ничем удовлетворяющим тому, чтобы утвердиться в качестве представителя бессознательного, если бы не было другого желания, которое создает основу сновидения и которое является бессознательным желанием. Таким образом, Фрейд, четко различая два желания, пока не подходит к окончательным выводам. Это место различия того, что субъект привносит в свое сновидение на уровне бессознательного, с одной стороны, и фактора дуальных отношений с тем, к кому человек обращается, когда рассказывает это сновидение в анализе, с другой. И именно в этом смысле сон, возникающий в процессе анализа, всегда определенным образом адресован аналитику, и это направление не всегда и обязательно является бессознательным.

Весь вопрос заключается в том, следует ли делать акцент на намерениях, которые Фрейд разоблачает как намерения пациентки продолжать игру со своим отцом, – пациентка сама доходит до того, что формулирует это: обманывать его, притворно следовать лечению и при этом сохранить свои позиции, свою верность даме. Следует ли то, что проявляется в сновидении, представлять непосредственно в перспективе обмана, то есть в рамках ее предсознательной преднамеренности?

По мнению Лакана, здесь, несомненно, присутствует диалектика обмана, но то, что формулируется в бессознательном как на первом, так и на третьем этапе, – это то, что, будучи сведенным к означающему, возвращается к исходному пункту, а именно к своему собственному посланию, полученному от отца в обращенной (*inversée*) форме: «Ты – моя жена, ты – мой господин, у тебя будет ребенок от меня» (*Lacan, 1994*). Это вхождение в Эдип или, поскольку Эдип еще не разрешен, обещание, на которое полагается девочка, входя в эдипов комплекс. Исходя из этого отстраивается позиция пациентки, и в сновидении находит свое выражение ситуация, соответствующая этому обещанию. Таким образом подтверждается одно и то же содержание бессознательного.

Фрейд сомневается в этом содержании, по причине отсутствия точной формулы, определяющей перенос. Действительно, в переносе присутствует элемент вообразяемого и элемент символического и, соответственно, выбор, который нужно сделать. Если перенос имеет смысл того, что Фрейд в дальнейшем представил в понятии *Wiederholungszwang* (навязчивое повторение), то перенос связан прежде всего с настойчивостью, присущей символической цепи как таковой.

Эта специфическая для символической цепи настойчивость по определению не принимается в расчет субъектом. Тем не менее то обстоятельство, что она воспроизводится и появляется на третьем этапе, осуществляясь

и формулируясь в сновидении, позволяет заключить, что это сновидение, даже если оно и выглядит на воображаемом уровне и в прямых отношениях с терапевтом обманом, как раз и представляет перенос в его собственном смысле. Именно на это, по мнению Лакана, мог бы положиться Фрейд и смело вмешаться. Для его концепции переноса нужны были более устойчивые основания, которые бы четко определяли осуществление переноса на уровне символической артикуляции.

Когда мы говорим о переносе, когда нечто приобретает смысл в силу того, что аналитик становится причиной переноса, символическая артикуляция складывается еще до того, как субъект ее признает, как мы видим: это здесь в том, что представляет собой сновидение переноса. Фрейд сразу отмечает, что случилось нечто, принадлежащее порядку переноса, но не делает из этого точных выводов и не предпринимает корректного вмешательства.

В случае Доры, описанном Фрейдом, возникает похожая проблема, только тут Фрейд ошибается ровно противоположным образом.

Эти два случая превосходно друг друга уравнивают. Прежде всего потому, что смешение символической и воображаемой позиции в каждом случае имеет противоположный смысл. Но еще потому, что в их общей констелляции эти два случая строго совпадают друг с другом, с учетом того, что один соответствует другому как позитив негативу.

Случай Доры

В случае Доры фигурируют те же самые персонажи – на первом плане отец, дочь и тоже дама, госпожа К. Интересным является то, что и здесь ситуация вращается вокруг дамы, хотя в том, как девушка представляет всю историю для Фрейда, это неочевидно.

Дора – это маленькая истеричка, которую приводит отец к Фрейду с несколькими симптомами, без сомнения, незначительными, но в то же время выраженными. Ситуация стала невыносимой вследствие определенной демонстрации суицидального намерения, которое в конечном итоге встревожило ее семью. Отец представил ее Фрейду как больную, и этот переход на уровень лечения является элементом, который обозначает кризис в социальной общности, где до сих пор поддерживалось некоторое равновесие. Однако это уникальное равновесие было нарушено еще два года назад по причине изначально скрытой от Фрейда любовной связи отца и госпожи К., которая была замужем за господином, названным господин К. Отношения этой пары с парой отца и дочери образуют своего рода квартет. Мать в этой ситуации отсутствует.

Здесь можно проследить контраст в сравнении с предыдущей ситуацией. В случае юной гомосексуальной пациентки присутствует мать, ведь именно она похищает у девочки внимание отца и вводит элемент реальной фрустрации. Вдобавок в истории Доры отец приводит даму и поддерживает ее присутствие, тогда как в первом случае дама появляется благодаря девушке.

Поразительно то, что Дора сразу же заявляет Фрейду чрезвычайно выразительный протест по поводу привязанности своего отца, в которой, по ее словам, он счастлив. Она сразу же дает Фрейду понять, что всегда была в курсе существования этой постоянной и приоритетной для отца связи и она больше не может этого выносить. Все ее поведение выражало протест против этих отношений.

Тогда Фрейд делает шаг, подводя Дору к следующему вопросу: «Не кажется ли вам, что вы возмущаетесь тем беспорядком, в образовании которого вы сами приняли участие?» И действительно, для Фрейда быстро становится очевидным, что до критического момента Дора сама непосредственным образом поддерживала такое положение дел. Она была более чем удовлетворена этой уникально сложившейся позицией и была настоящим опорным стержнем всей ситуации, защищая интересы пары отца и госпожи К., при необходимости принимая на себя ее функции, занимаясь с ее детьми. С другой стороны, по мере продвижения в понимании структуры случая становится заметна особая связь с госпожой К., которая оказывается доверенным лицом и выглядит глубоко посвященной в секреты Доры.

Фрейд впоследствии признает, что если он и потерпел неудачу, то произошло это из-за сопротивления пациентки признаваться в своей любовной привязанности к господину К., о которой Фрейд, опираясь на свой авторитет, настойчиво заявляет (Фрейд, 1998). Он доходит до того, что впоследствии добавляет примечание с указанием на то, что, несомненно, им была допущена ошибка и ему следовало понять гомосексуальную привязанность к госпоже К. в качестве действительной причины как для формирования изначальной позиции Доры, так и для ее дальнейшего кризиса. Но важно не только то, что Фрейд распознает это спустя какое-то время, поскольку на протяжении всего отчета о наблюдении видно, насколько противоречиво он относится к реальному объекту желания Доры.

Ясно, что персонально господин К. имеет весьма важное значение для Доры и что с ним установлено что-то вроде либидинальной связи. Также ясно, что в другом порядке тоже есть нечто очень важное, постоянно играющее свою роль в либидинальной связи Доры и госпожи К. Лакан предпринимает попытку сопоставить одно и другое таким образом, чтобы это было обоснованным и позволило осмыслить и развитие ситуации, и момент остановки, кризис, и нарушение равновесия.

При первом прочтении этого случая Лакан с точки зрения истерической структуры отметил следующее: истерик – это тот, кто любит по доверенности (*par procuration*) (Lacan, 1994). Истерик – это тот, чей объект гомосексуален, истерик подступает к этому гомосексуальному объекту путем идентификации с кем-то другого пола.

Идентификация Доры осуществляется с мужественной фигурой господина К. Другими словами, при посредничестве господина К., когда она сама становится господином К., именно в этом воображаемом положении, где воссоздается личность господина К., Дора оказывается связанной с госпожой К.

Лакан задается вопросом: почему госпожа К. является кем-то важным? Она важна не только потому, что является объектом, выбранным среди прочих объектов. Она важна не только потому, что наделена нарциссической функцией, которая лежит в основе восхищения. Как показывают сновидения, которые и стали принципиальной основой наблюдения, госпожа К. – это вопрос Доры.

Дора – истеричка, то есть она перешла на уровень эдипального кризиса, смогла его преодолеть и в то же время не смогла. На то есть причина – ее отец, в отличие от отца юной гомосексуальной пациентки, несостоятелен в половом отношении. Все наблюдение основано на этом центральном пункте несостоятельности отца. Таким образом, здесь есть возможность особенно показательным образом прояснить то, в чем может заключаться функция отца в отношении нехватки объекта, посредством которой девочка входит в Эдип. Здесь уместно поставить вопрос, какой может быть функция отца как дарителя.

Эта ситуация опирается на различие, предпринятое Лаканом в разговоре о первичной фрустрации, – различие, которое может установиться в отношениях ребенка с матерью (*Lacan, 1994*). Ребенок испытывает фрустрацию в связи с отстранением от некоторого объекта. Но после произошедшей фрустрации его желание сохраняется. Смысл фрустрации состоит в том, что объект остается принадлежащим субъекту и после фрустрации. И тогда мать вмешивается в другом регистре – она дает или не дает, но лишь то, что является знаком любви.

Именно здесь появляется отец как тот, кто символически предоставляет этот объект нехватки. В случае Доры он его не предоставляет, потому что не имеет его. Фаллическая несостоятельность отца – это то, что звучит на протяжении всего наблюдения как фундаментальная, определяющая позицию тональность.

Дора не получает от отца дара мужественности и остается к нему очень привязанной, так сильно привязанной, что эта история начинается именно в возрасте угасания Эдипа, вместе с серией истерических происшествий, которые очень четко связаны с проявлениями любви к отцу, который в этот момент более чем когда-либо выглядит как отец раненый и больной, как отец, пораженный в самой своей жизненной состоятельности. Любовь, которую Дора испытывает к отцу в тот момент, напрямую коррелирует с его умалением.

Таким образом, то, что вмешивается в отношения любви, то, что запрашивается в качестве знака любви, никогда не является чем-то другим, кроме как знаком. Нет большего возможного дара, большего знака любви, чем дар того, чем мы не обладаем. Но стоит подчеркнуть, что измерение дара появляется только с введением закона. Дар – это нечто, циркулирующее в процессе обмена, – дар, который преподносится, всегда является даром, который до этого был получен. Но когда дело касается двух субъектов, обмен происходит как-то иначе, поскольку отношения любви предполагают, что дар преподносится в обмен на ничто.

«Ничто на ничто» как принцип обмена. Эта формула, как и любая другая, содержащая в себе двусмысленное «ничто», кажется формулой самой заинтересованности, но также она является формулой чистой благодарности. На самом деле в даре любви заключается только то, что дается «ни за что» и может быть только «ничем». Другими словами, субъект делает дар, когда отдает что-то безвозмездно, и поскольку в этом заключено все то, чего ему не хватает, то он жертвует больше того, что у него есть.

Лакан говорит, что получение дара от субъекта, располагающего всеми возможными благами и несметным богатством, может не иметь и малейшей ценности знака любви. Верующие воображают себе возможность любить Бога, потому что предполагают, что Бог действительно обладает этой полнотой и совершенными возможностями бытия. Но такое предположение о некотором Боге, который может быть всем, имеет место лишь потому, что в основе любой веры можно обнаружить еще кое-что. Ведь этому существу, которое по задумке является целым, Ему, несомненно, не хватает главного в бытии, то есть существования. В основе любой веры в Бога как в совершенного и безгранично милостивого есть непознаваемое, есть то, чего Ему не хватает, что постоянно заставляет сомневаться в Его существовании. Нет никаких других оснований любить Бога, кроме сомнения в его существовании (*Lacan, 1994*).

Не вызывает сомнений, что именно так Дора любит своего отца. Она любит его за то, что он ей не дает. Однако каким образом это было возможно при том, что отец в присутствии Доры вовлечен в другие отношения и, похоже, Дора даже способствовала им?

В наблюдении мы имеем дело с тройкой: отец, Дора, госпожа К.

Похоже на то, что вся история начинается с вопроса Доры: «Что мой отец любит в госпоже К.?» Госпожа К. представляет собой то, что отец может любить помимо нее. И то, к чему Дора привязывается, – это то неизвестное ей, что ее отец любит в другой.

Дора задается вопросом: «Что такое женщина?» И поскольку госпожа К. воплощает эту самую женскую функцию, она становится для Доры той, на кого она переносит этот вопрос. Дора вступает в дуальные отношения с госпожой К., или, скорее госпожа К. – это та, кто любима помимо Доры, вот почему Дора заинтересована в сохранении этой позиции. Госпожа К. осознает, что Дора понятия не имеет, как себя в этой ситуации расположить. Любимо нечто за пределами существа. То, что любимо в существе, располагается по другую сторону от того, чем оно является, в конечном итоге это именно то, чего ему не хватает.

Дора оказывается где-то между своим отцом и госпожой К. Пока отец любит госпожу К., Дора чувствует себя удовлетворенной, конечно, при условии, что эта позиция стабильно сохраняется. Кроме того, эта позиция многократно символизируется. Так, бессильный отец прибегает к всевозможным вариантам замены символического дара, включая дары материальные, для того чтобы восполнить нехватку своего мужественного присутствия, он заодно щедро одаривает Дору, распределяя подарки между

любовницей и дочерью, тем самым включая последнюю в эту символическую диспозицию.

Дора по отношению к госпоже К. пытается воссоздать ситуацию треугольника отношений. Здесь появляется господин К., с фигурой которого образуется треугольник в противоположном направлении.

В поисках ответа на свой вопрос Дора предполагает, что господин К. по одну с ней сторону в вопросе отношения к госпоже К., то есть испытывает к своей жене такое же обожание, которое находит еще одно свое выражение у Доры в очень показательной символической ассоциации госпожи К. с Сикстинской мадонной. Госпожа К. – предмет обожания всех окружающих, и Дора связана с ней именно как соучастница этого обожания. Господин К. является инструментом, с помощью которого она регулирует эту позицию, пытаясь реинтегрировать в общий контур мужской элемент.

Господин К. получает пощечину в тот момент, когда он говорит ей: «Я ничего не имею к моей жене».

Дора вполне допускает, что ее отец любит в ней и с помощью нее кого-то, кто «по другую сторону», госпожу К., но для того, чтобы господин К. мог соответствовать своему месту, он должен исполнять ровно противоположную, уравнивающую функцию. То есть Дора должна быть той, кого любит господин К. «по другую сторону» своей жены, но только в том случае, если жена для него «что-то» значит. Это «что-то» – это то же самое, что «ничего», которое должно быть «по ту сторону», то есть в данном случае Дора. Он не говорит, что его жена для него «ничто», он говорит, что там, на ее стороне, нет «ничего».

Это приводит к тому, что Дора не может вынести его интереса к ней в том случае, если он интересуется только ей. Вся ситуация сразу же ломается. Если господин К. интересуется только ею, значит, ее отец интересуется только госпожой К., она не может этого перенести.

На глазах у Фрейда разворачивается типичная ситуация. В соответствии с объяснением Клода Леви-Стросса в «Элементарных структурах родства» брачный обмен подразумевает именно это: «Я получил женщину, я должен дочь» (*Lévi-Strauss, 1969*). Женщина непосредственно выступает только в качестве предмета обмена и никак не интегрирована в сам принцип организации обмена и права. Другими словами, если она сама не отреклась от чего-то, а именно от отцовского фаллоса, рассматриваемого в качестве объекта дара, то она никак не сможет представить, чего она не получает от других, то есть от другого мужчины.

Именно так и происходит в этот момент. Дора, переполненная возмущением, говорит: «Мой отец продает меня кому-то другому». Что действительно является объективной оценкой положения дел, которое остается в тени. Фактически, отец покупал расположенность мужа госпожи К. тем, что на протяжении нескольких лет не обращал внимания на его ухаживания за Дорой.

Таким образом, Дора и юная гомосексуальная пациентка вписаны соответственно в две ситуации в двух разных регистрах.

Разница между ними заключается в следующем: если в бессознательном юной гомосексуальной пациентки действительно поддерживается

обещание отца «у тебя будет ребенок от меня» и если в своей возвышенной любви к даме она демонстрирует, как говорит об этом Фрейд, модель абсолютно бескорыстной любви, любви в обмен на ничто, то происходящее разворачивается с целью девочки показать отцу, что такое настоящая любовь, любовь, от которой ее отец отказался.

Дора не понимает ни куда себя деть, ни где она находится, ни зачем она нужна, ни зачем нужна любовь. Она только знает, что любовь существует и конструирует историю, где любовь находит свое место в виде вопроса. Этот вопрос проявляется в форме и содержании всех ее сновидений. Шкатулка с драгоценностями – все это означает не что иное, как этот вопрос. У Доры возникает вопрос, что значит быть женщиной, и она выражает его определенным образом, а именно посредством симптомов. Симптомы – это означающие элементы, но они важны постольку, поскольку под ними скрывается постоянно ускользающее означаемое, которое интересует Дору, в погоню за которым она вовлечена.

Доказательством этого служат те признаки подобия беременности Доры после разрыва с господином К., смысл которых Фрейд распознает своим поразительным интуитивным чутьем. Действительно, в дальнейшем имеет место нечто вроде странного многозначительного выкидыша. Фрейд указывает на срок в девять месяцев, потому что так говорит ему сама Дора, признавая тем самым своего рода беременность. На самом деле проходит пятнадцать месяцев, что превышает обычный период беременности. Важно, что Дора видит в этом последний отзвук того, что до сих пор связывает ее с господином К. Здесь присутствует некоторый эквивалент совокупления, который производится в символическом порядке в чисто метафорической форме. Симптом в этом случае, по мнению Лакана, – только метафора, как попытка для Доры присоединиться к закону символических обменов.

Выводы

Для лучшей иллюстрации лакановской мысли предлагается воспользоваться так называемой схемой L (*схема 1*), которую Лакан вводит на втором году своих семинаров именно с целью наглядного различения двух осей субъективации и отношений. Символическая ось отношений происходит между S (субъект бессознательного) и большим Другим, структурирующим бессознательное, которое в некоторые исключительные моменты – в снах, оговорках, островах – становится доступно (Лакан, 1997).

Лакан настаивает на том, что психоанализ, будучи практикой речи, происходит сугубо по оси символических отношений, которым отношения воображаемые, отношения между собственным Я аналитика (*a'utre*) и собственным Я анализанда (*amoi*), полагают препятствие.

В соответствии с комментарием Лакана в четвертом семинаре «Объектные отношения», Фрейд, несмотря на то что распознал возникший в анализе перенос, смог истолковать его только в воображаемом регистре, то есть распознал только предсознательное желание обмануть его как отца. Другими словами, принял предсознательное желание пациентки

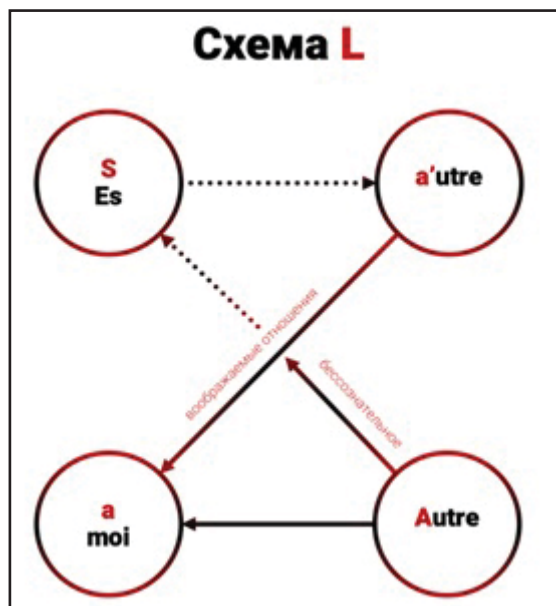

Схема 1

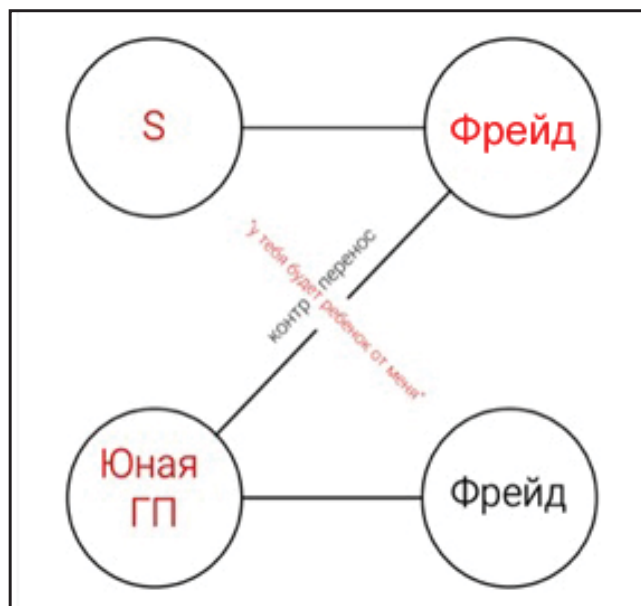

Схема 2

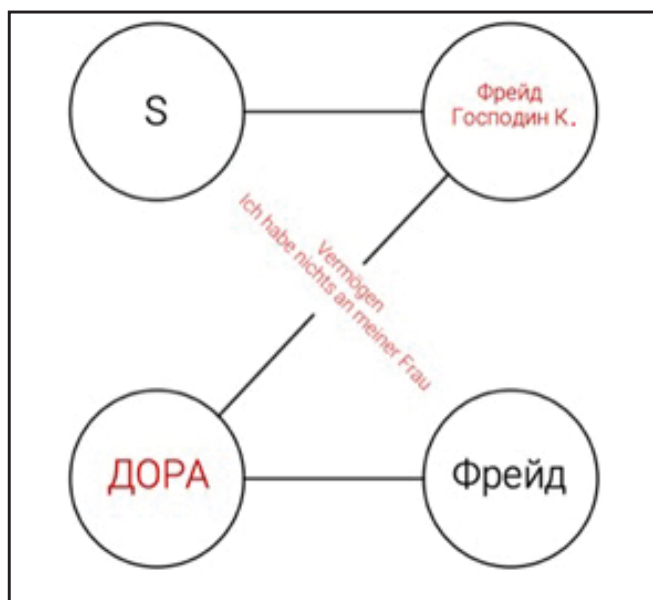

Схема 3

на свой счет, попал в ловушку личностной реакции. Пациентка прервала анализ, потому что не нашла ответа на ее бессознательное желание, которое было распознано Лаканом на уровне символической формулы сновидения: «Я хочу от тебя ребенка» (схема 2).

Позицию Фрейда в случае Доры, которая, по мнению Лакана, также привела к преждевременному завершению анализа, можно обозначить на схеме L подобным образом (схема 3).

Ошибочная интерпретация Фрейда опиралась на воображаемый (типичный в терминологии Лакана) смысл «нормального» русла влечения к господину К. Так рассуждал «нормальный» Фрейд, навязывающий свое устоявшееся, типичное, нормальное, воображаемое представление

пациентке. Здесь Фрейд действовал от имени своего собственного Я, поддерживая игру «ненавлюбленности» с подобным маленьким другим собственным Я пациентки.

Применение различий лакановских регистров в психоаналитической практике может послужить важным подспорьем в отношении клинической категории переноса, помогая выйти из терапевтической плоскости отражения воображаемых конструкций в аналитическую позицию по отношению к субъекту бессознательного.

Перенос в анализе несет в себе измерение подлинной любви: субъект адресует любовь тому, кого считает знающим истину о нем. Фрейд говорит: путь аналитика совершенно иной – для него нет образца в реальной жизни (Фрейд, 1915). Лакан продолжает, высказываясь о парадоксе функции аналитика, отвечающего сократовской агальме: на том месте, где аналитик предстает субъектом предположительно знающим, на самом деле он призван быть не более чем реальным присутствием, именно потому, что оно бессознательно.

Психоанализ предстает инструментом искусственного порождения любви и одновременно инструментом рассеивания этого искусственного порождения, так как позволяет субъекту пересмотреть свои позиции в отношениях таким образом, чтобы вместо отношений с подобием собственного Я возникло место бесподобности и непостижимости другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакан Ж.* О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза / Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / Пер. А. К. Черноглазова. М.: РФО; Логос, 1997.
2. *Платон* Диалоги. М.: Издательство «Э», 2017. 490 с.
3. *Фрейд З.* Влечения и их судьба // Основные психологические теории в психоанализе. Очерки истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998.
4. *Фрейд З.* Я и Оно: сочинения / Пер. с нем. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). 859 с.
5. *Фрейд З.* Фрагмент анализа истерии: История болезни Доры [Электронный ресурс]. М.: Феникс, 1998. URL: https://royallib.com/book/freyd_zigmund/fragment_analiza_isterii_istoriya_bolezn_dori.html (дата обращения: 04.05.2022).
6. *Фрейд З.* О введении понятия «нарцизм» // З. Фрейд. Сексуальная жизнь. Т. 3. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 448.
7. Фрейд, З. О психогенезе одного случая женской гомосексуальности. М.: Астер-Х, 2018. 92 с.
8. *Фрейд З.* Заметки о любви в переносе / Пер. с нем. М. Вульф [Электронный ресурс] // Психоанализ. URL: <https://psychoanalysis.by/2018/03/29/article-psychoanalysis/> (дата обращения: 03.03.2022).
9. *Bergmann M. S.* (1982). Platonic love, transference love, and love in real life. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 30(1), 87–111.

10. *Chiesa L.* (2006). Le Ressort de l'Amour: Lacan's theory of love in his reading of plato's symposium. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 11(3), 61–81. ISSN 0969-725X.
11. *Fink B.* (2017). Lacan on love: An exploration of Lacan's seminar VIII, transference. John Wiley & Sons.
12. *Jekels L., Bergler E.* (1934). Transfert et amour (Übertragung und Liebe) Imago. *Internationale Zeitschrift für psychoanalytische Psychologie*, XX(1).
13. *Lacan J.* (1994) Le séminaire, Livre IV: La relation d'objet, 1956–1957 (texte établi par Jacques-Alain Miller). Paris: Seuil, pp. 12–13.
14. *Lacan J.* (2001). Le Séminaire. Livre VIII, tome 8. Le Transfert (1960–1961). SEUIL, 480 p.
15. *Lévi-Strauss C.* (1969). Elementary structures of kinship. In Bell J. H., von Sturmer J. R. (trans.). Boston, MA: Beacon. (Original work published 1949).
16. *Mahjoub L.* (2018). Le transfert dans tous ses états. Sauvage, politique, psychanalytique [Введение к конгрессу Новой лакановской школы, 8 апреля 2018]. URL: <http://nlscongress2018.com/index.php/2018/04/08/largument-du-congres-de-la-nls-par-lilia-mahjoub/> (дата обращения: 10.03.2022).
17. *Miller J.-A.* La revue de l'ECF La Cause freudienne n° 18 «Les deux métaphores de l'amour», p. 82. (Les deux métaphores de l'amour: cours du 6 mars 1991, Revue de l'ECF, 18, (Juin), 217–222, p. 82.)
18. *Porcheret B.* (2016). Session 2016–2017, séminaire théorique: lecture du Séminaire VIII, Le transfert, de Jacques Lacan. Première séance.

Love and transference: from Freud to Lacan

N. I. Kazakova

Kazakova Nadezda I., Master of Psychology (HSE University), Psychoanalytic psychotherapist.

This article is devoted to the consideration of love and its particular manifestation in the form of transference arising among the effects of psychoanalytic treatment, which was discovered by Freud and further expanded in the theoretical and clinical corpus of seminars of Jacques Lacan.

The concepts of love, crush and transference are closely intertwined with the registers of the symbolic and the imaginary, the distinction of which has clinical value and is reflected in a Lacanian reading of two cases of Freud: Young Homosexual Patient and Dora.

Learning from the mistakes of the founder of psychoanalysis Freud helps to get out of the therapeutic plane of imaginary constructions reflection into an analytical position in relation to the subject of the unconscious.

Keywords: *subject, Freud, love, transference, crush, agalma, Lacan, imaginary, symbolic, young homosexual patient, Dora.*